

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки:
Чаругина Анастасия

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 **Нить Ариадны** /Наталья Андреева. —
Москва: Издательство АСТ, 2020. — 384 с. —
(Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-119158-0

Арина Петухова внезапно становится богатой наследницей. Ее мать, известная писательница Марина Минина, покончила жизнь самоубийством после того, как при загадочных обстоятельствах погиб ее возлюбленный. Буквально накануне свадьбы.

Но порадоваться богатству Арина не успевает, потому что и на нее саму начинается охота. В лобовое стекло летит камень, на переходе Арину едва не сбивает машина... Начинается борьба за жизнь и одновременно борьба с собой. Потому что прошлое таит столько загадок, что расставить все по местам непросто. Успешные люди добровольно не уходят из жизни без веской причины. Захочет ли героиня ее узнать?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андреева Н. В., 2020
ISBN 978-5-17-119158-0 © ООО «Издательство АСТ», 2020

БЕСТСЕЛЛЕРЫ НАТАЛЬИ АНДРЕЕВОЙ

Бездна зовет к бездне

Влюбленные безумны

Мы поем глухим

Звезда в хвосте Льва

Капкан на мечту

Отцы и дети

Остров порхающих бабочек

Седьмое море

Пока цветет лотос

Вид на жительство в раю

Нить Ариадны

Серия «Взаперти с Минотавром»

В век высоких технологий, где все меняется так стремительно, наш мозг похож на Лабиринт, где затаился Минотавр. Который охотится за нашей душой, такой уязвимой в лавине идущей на нас информации. Зачастую кажется, что жизнь проходит мимо и все самое интересное происходит без нас. Это серия психологических детективов о тех, кто не справился со своим Минотавром. Маньяках поневоле, или о тех, кто любой ценой захотел прославиться. Чей голос разума затерялся в Лабиринте, а на волю вырвались звериные инстинкты.

Жил-был на свете кукольных дел мастер, он держал магазин игрушек, которые никто не покупал. Кукольник все никак не мог расплатиться с долгами. Он начал по долгу болеть, чахнуть от тоски и от зависти к другим, более удачливым кукольникам, просто-таки купавшимся в золоте, его семья голодала, дети не хотели ходить в школу, потому что ровесники над ними смеялись, а порою откровенно издевались. Ведь отпрыски вконец обнищавшего мастера носили заштопанную одежду, из которой давно уже выросли, и не могли купить себе даже маленькой шоколадки, у них совсем не было денег. Жена бедного кукольника постоянно жаловалась на жизнь и ночами горько плакала, квартирная хозяйка грозилась выгнать. И тогда отчаявшийся мастер стал продавать свои куклы дьяволу...

— Слава Богу!

Передо мной висели ноги. Женские ноги, на тощей щиколотке правой болтался золотой браслет с пятью брелками. Машинально я их пересчитала, чтобы уж наверняка убедиться: мертва. Штанины задрались, пятки у носков

были грязные, из дырки на правом торчал большой палец с желтым ногтем. Веревку покойница перекинула через перила, на высоте второго этажа, поэтому я видела только ноги. Они болтались как раз на уровне моих глаз, и я подумала: «Слава Богу!»

Это была моя мать. Недавно она сняла с ногтей на ногах бордовый лак, я помню, как нашла на полу ее спальни испачканный ватный диск. Кто делал педикюр, знает, что ногти от яркого лака желтеют. Я вспомнила об этом, как только увидела болтающиеся передо мной ноги. «Слава Богу!»

Все остальные мысли были правильные: «Боже, какое несчастье!», «Моя милая мамочка, как я теперь без тебя?», «Какое ужасное горе!», «Какая утрата!», ну и так далее. Вы все их прекрасно знаете, эти мысли, на похоронах именно так и говорят. Вслух.

Но самая первая мысль всегда дрянная, и ее не озвучивают. Почему-то дрянь вылезает из нас первой, и она — правда. Я не люблю людей, которые делают паузы перед тем, как что-то сказать. Чем больше пауза, тем меньше я доверяю человеку. Это означает, что он высказывает не вторую мысль и даже не третью. Он тщательно перебирает эти мысли, выискивая самую-присамую правильную. Это люди успешные, всеми уважаемые, они прекрасно устраиваются в жизни благодаря тому, что умеют манипулировать другими людьми, но они все равно самые плохие на свете люди. Для меня. Потому что я говорю первое, что придет в голову. Попробуйте

угадать, сколько у меня друзей? Правильно: ни одного.

Я почти не делаю пауз, вот в чем беда. Наверное, поэтому на меня все смотрят как на сумасшедшую. Сотрудник милиции (или уже полиции) так просто открыл рот, когда я сказала:

— Мне теперь достанется огромное наследство.

Он ожидал, что я буду рыдать, биться головой о стену, рассказывать о том, как горячо любила свою мамочку. Все делают именно так, когда в их доме находят криминальный труп близкого родственника. Когда родственник был богат, делают это с удвоенной энергией. Я действительно любила свою мать. Я любила ее так сильно, что подумала «Слава Богу», когда она умерла. И я сразу сказала про наследство, потому что это была вторая мысль, которая пришла мне в голову. И очень правильная мысль: я теперь богата.

— Она не оставила предсмертной записки?

Он поставил в конце фразы жирный вопросительный знак.

— А зачем? — удивилась я. Мой вопросительный знак, легкий, как облачко, повис в воздухе. Меж тем фраза прозвучала без паузы: вопрос — ответ. Не было ни малейшего зазора, в который могла бы просочиться какая-нибудь правильная мысль. Я вовсе не собиралась выкручиваться.

— Самоубийцы, как правило, оставляют предсмертные записки.

— Ее любимой книгой были «Бесы» Достоевского. Если вы ее прочитаете, то поймете, что мама и не могла оставить никакой записки.

— Это шутка? — разозлился мент.

Я интеллигентка в третьем поколении, что подтверждается моим дипломом о высшем образовании и дипломами о высшем образовании моих предков, но уж простите великодушно, буду называть его именно так. Он мент. Он ходит, как мент, говорит, как мент, и даже дышит, как мент. И злится он, как мент: его злость кому-то может обойтись в тюремный срок. Мне бы надо сделать паузу, но я, как обычно, ляпнула:

— Вы не умеете читать? Ой, простите. — Я сообразила, что здорово обидела его. Взглядом мне было обещано лет десять за решеткой, и если я буду продолжать в том же духе, срок будет только увеличиваться. Каждое мое слово тянет на год, не меньше. Черт возьми! Все-таки надо делать паузы!

— Читать? У меня на это нет времени, — буркнул мент.

— Тогда вы не знаете, кем была моя мать, — сказала я печально. Как же долго мне придется ему объяснять!

— И кто? — подозрительно посмотрел на меня он.

— Писательница.

— А что она писала?

— Триллеры.

Он хмыкнул.

— Как эта ...? Донская?

Даже фамилию, которая была у всех на слуху, он произнес неправильно. Совсем ничего не читает, бедняга. И смотрит только НТВ, а на других каналах — криминальные новости. Трудно иметь дело с людьми, у которых в голове всего одна извилина и которые абсолютно уверены в том, что головы других людей устроены точно так же. Что есть единственная извилина, причем обязательная. Если ее нет у другого, этот другой что-то типа хромого щенка из принесенного бродячей собакой потомства, и дефективного следует утопить первым. Со всеми остальными, здоровыми, пока не понятно. А этого топить однозначно.

«Тапки-моего-размера-подходят-абсолютно-всем». Вот что я прочитала в его глазах и приуныла. Мы с ним не найдем общий язык. Никогда.

— Триллеры — это немного не то, — промямлила я, почувствовав, что сейчас захлебнусь. Я тот самый щенок. Хромой на все четыре ноги, а главное, на голову. — Мама писала про маньяков.

— Марина Минина, — прочитал он вслух, заглянув в паспорт моей матери. — Не знаю такую.

— Вам достаточно зайти в любой книжный магазин...

— У меня на это нет времени. Ну, что там, Коля? — крикнул он.

Тут я заметила, что дом полон людей. Кажется, они все пытались доказать, что я убила свою мать. Из-за наследства. Я по-

няла это по тому, какие долгие они делали паузы перед тем, как что-то мне сказать. Они буквально подталкивали меня к этой мысли: ты убила свою мать. Я чуть было в это не поверила.

— Следов насильственной смерти не обнаружено, — и Коля выразительно посмотрел на меня. Он слегка запыхался, пока бежал по лестнице.

— Она перелезла через перила на высоте второго этажа с накинута на шею веревкой, — сказал мент и тоже посмотрел на меня.

— Да, она была в хорошей физической форме, — кивнула я.

— А предсмертной записки не оставила.

Мне надоело ему объяснять. Теперь я просто молчала.

— Иди, Николай. Работайте дальше, — милостивым кивком отпустили взлохмаченного парня, а когда я попыталась пойти следом, мент рявкнул:

— Сидеть!

Я села. Печально отметила, что у него красивые глаза, и не будь он ментом, он был бы интересным мужчиной. И нравился бы женщинам. Но как он мог нравиться, если был ментом? Страх в человеке, и в женщине тоже, первичен. Она либо боится, либо любит. Вы можете это оспорить, как и любое мое умозаключение. Но все же дочитайте до конца. И вам придется признать мою правоту.

— Продолжаем беседу, — раздалось над ухом. Он встал, чтобы напугать меня еще

сильнее, и навис надо мной, как гора. Я почувствовала ледяной холод, исходящий от каменного ментовского сердца.

— Я готова.

Мой голос был похож на мышинный писк. Хотя нет. Я не мышонок, я щенок. Топите меня, топите!

— Ваша мать когда-нибудь говорила о том, что собирается покончить жизнь самоубийством?

— Последние двадцать лет — каждый день. Каждый раз, как я ее видела, — тут же поправилась я. Это было справедливо по отношению к матери. Мы виделись примерно раз в неделю с тех пор, как я вышла замуж. А замуж я вышла пятнадцать лет назад. Кстати, моя мать вышла замуж в том же возрасте. А в двадцать один уже родила меня. — Да, мне тридцать четыре года, — сказала я, потому что он открыл и мой паспорт. Ну вот, с цифирью покончено. Я во всем люблю точность, и доказательства теоремы выдаю залпом. Но для верности (ведь он мент) повторила: — Мне тридцать четыре.

— А выглядите моложе.

Я вспыхнула. Ненавижу, когда мне говорят комплименты! Я слишком богата, чтобы верить в их искренность!

— У вашей матери что, были проблемы?

— Никаких, — заверила я.

— Я имею в виду, проблемы с деньгами.

— У нее на счетах миллионы, — с гордостью за мать сказала я.

— Мужчины?

— О! Они ее обожали! Мама была красавицей!

— Ваш отец... Э-э-э...

— Они официально развелись лет пять назад.

— Причина?

— По взаимному согласию.

— Я понимаю, но причина?

— А какая должна быть причина, чтобы люди развелись? — удивилась я. — Если я вдруг задумаю развестись со своим мужем, я сделаю это без всякой причины. И он меня поймет.

— Вы странная женщина, Ариадна Витальевна.

— Вот когда вы так говорите: Ариадна Витальевна, можно и в самом деле подумать, что перед вами сидит чудовище. Поэтому я Арина. Арина Петухова. Это вполне гармонично звучит, и я с этим именем чувствую себя комфортно.

— А могло быть по-другому?

Оказывается, он не так безнадежен. И не совсем уж мент. У него есть чувство юмора.

— Могло! И на этом настаивала мама. На том, чтобы у меня в паспорте было записано «Ариадна Минина».

— А ведь красиво!

— Я собираюсь поменять паспорт с тех самых пор, как мне его впервые вручили. Чтобы там было написано «Арина», не «Ариадна». И теперь, когда мамы нет, я обязательно это сделаю!

— Вы что, не ладили со своей матерью?

— Да, мы не ладили.

По его взгляду я поняла, что лезу в петлю. Мои босые ноги скоро повиснут на высоте второго этажа. В отличие от мамы, на мне нет носков. А в носках, следовательно, нет дырок. И я не крашу ногти бордовым лаком, когда делаю педикюр. Мне точно конец.

— Давайте попробуем еще раз, — вздохнул он. — У вашей матери было полно денег, у нее были любовники, с которыми она, по вашим же словам, не испытывала никаких проблем... А со здоровьем? — ухватился мент за соломинку. Вот так всегда: стоит мужчине узнать меня поближе, он тут же кидается мне помогать! — Со здоровьем были проблемы?

— Вы же видите, что она перелезла через перила на высоте второго этажа. Моей матери было пятьдесят пять, но ее гибкости позавидовала бы двадцатилетняя девушка. Она легко садилась на продольный шпагат, — с гордостью сказала я.

— Быть может, тайная болезнь? Неизлечимая, а? К примеру, рак.

— Рак что, неизлечим? — в который уже раз удивилась я.

— Если на четвертой стадии...

— У нее не было даже первой. Повторяю: моя мать была здорова.

— Почему же она двадцать лет хотела покончить с собой? Была же какая-то причина?

— Вы бы прожили с ней эти двадцать лет! — сказала я со злостью. — Утром еще было терпимо, но как только солнце клонилось

